

SERVICE DE PRESSE

Речь Президента Республики о будущем Европы

Сорбонна, четверг 25 апреля 2024 г.

Эмманюэль Макрон

Господин премьер-министр,
Госпожа председатель Национальной ассамблеи,
Дамы и господа министры,
Господин Европейский комиссар,
Дамы и господа депутаты и сенаторы,
Дамы и господа депутаты Европейского парламента,
Господин Генеральный прокурор,
Господин начальник Генерального штаба вооруженных сил,
Господин региональный префект,
Госпожа мэр,
Господин ректор,
Дамы и господа послы,
Дамы и господа согласно вашим званиям и должностям,

Спустя семь лет после моего предыдущего выступления в Сорбонне я решил вновь прийти сюда, в это же место, чтобы напомнить нам с вами о наших достижениях и обсудить наше будущее. Наше европейское будущее, но, по сути, будущее Франции; одно неотделимо от другого.

В этом же самом зале в сентябре 2017 г. я говорил, что наша Европа слишком часто демонстрирует безволие, отсутствие инициативы – от усталости или конформизма. Духом Европейского союза завладели те, кто его критиковал. Мы тогда предложили строить более сплоченную, суверенную и демократичную Европу. Более сплоченную – чтобы влиять на другие державы и на переходные моменты эпохи, более суверенную – чтобы не позволять другим навязывать себе судьбу, ценности, образ жизни. Более демократичную – потому что Европа является колыбелью либеральной демократии, местом, где народы сами выбирают свою судьбу.

Тогда же в качестве срока для подведения итогов я наметил перспективу в семь лет. Теперь этот момент настал. Нам удалось не все, не будем заблуждаться. Особенно в том,

что касается стремления сделать Европу более демократичной. Приходится признать, что в этом пункте достижения носят ограниченный характер, отчасти вследствие боязни менять международные соглашения, правила, нашу коллективную организацию. И, несмотря на ряд инновационных решений в этой области, прежде всего Конференцию о будущем Европы и проведенные дискуссии, мы не продвинулись так далеко, как следовало бы.

Однако успехи тоже имеются, в частности в вопросах сплоченности и суверенитета, хотя гарантии успеха у нас не было. Европа за истекший период пережила несколько беспрецедентных кризисов. Первым стал, конечно, «брексит». Взрыв, который привел к губительным последствиям, все мы их наблюдали. И после которого, как я успел убедиться, никто больше не отваживается предлагать выйти из Европы и из еврозоны. Затем – пандемия, смерть, внезапно вторгнувшаяся в нашу жизнь; война в Украине, трагедии, пропитавшие наш повседневный быт, и экзистенциальная угроза, нависшая над нашим континентом.

Но несмотря на это, а также на контекст последних лет, характеризовавшихся непрерывно набирающими темп экологическими и техническими трансформациями, которые коренным образом меняют наш образ жизни и производства, наша с вами Европа демонстрировала решимость и двигалась вперед. И концепция суверенности, которая семь лет назад могла показаться исключительно французской идеей, постепенно завоевала все страны Евросоюза. Несмотря на совокупность неслыханных потрясений, никогда еще Европейский союз не демонстрировал таких достижений, которые стали результатом наших совместных усилий. Они произошли благодаря ряду исторических, на мой взгляд, шагов, предпринятых нами за последние годы.

Первым было решение о финансовом единстве для борьбы с пандемией. Мне хотелось бы напомнить об этом, потому что до начала пандемии эта тема, естественно, не обсуждалась. Когда мы, французы, выдвинули идею совместной задолженности, нам в очередной раз сказали: идея, конечно, чисто французская, замечательная, но она же никогда не осуществится. Для начала нам удалось в первые же недели пандемии достичь франко-немецкой договоренности. Затем мы приобщили к ней остальных членов Евросоюза, что позволило нам привлечь 800 миллиардов евро. Сам по себе этот шаг по объединению задолженности стал моментом, который занимавший тогда должность министра финансов Олаф Шольц, будущий канцлер, с полным основанием окрестил «гамильтоновским». А главное, выбор был сделан именно в пользу европейского единства, непосредственный эффект которого мы увидели во всех департаментах и населенных пунктах нашей страны. Благодаря действиям, предпринятым на уровне Евросоюза, мы смогли реализовать программы по восстановлению, по поддержке наших предприятий. На всей территории нашей страны малые и средние предприятия смогли этим воспользоваться.

Вторым решающим шагом стал выбор в пользу стратегического единства по вопросам, которые прежде являлись исключительной прерогативой государств. Например, вопрос

здравоохранения. Европейский комиссар Тьерри Бретон, сидящий в этом зале, прекрасно это помнит, ведь именно он, совместно с председателем Еврокомиссии и коллегой, ответственной за здравоохранение, руководил политикой, которой до того момента попросту не существовало, которая не была предусмотрена ни в одном документе! Нужно было наладить производство вакцин на европейском уровне, обезопасить каналы поставок и обеспечить вакцинами все страны Евросоюза. Мы справились с этой задачей. Франция смогла запустить кампанию по вакцинации в начале 2021 г. именно потому, что сработали рефлекс европейского единства и способность проводить политику, не прописанную до того дня ни в одном документе. Мы, французы, не производили у себя эту вакцину. Давайте это смиренно признаем! Именно благодаря Европе и возникшему единому порыву мы сумели добиться успеха. То же самое касается и энергетики. Кто мог представить, что нам удастся освободиться от зависимости от российских углеводородов, произвести совместные закупки и с такой быстротой преобразовать рынок электроэнергии? А оборонная отрасль? Кто мог рассчитывать на европейскую сплоченность, проявившуюся с первого дня российской агрессии в Украине, и на масштабную военную поддержку со стороны Европейского союза? Однако мы все это осуществили.

Третьим решающим шагом за истекшие годы стало закладывание нами основ для большего технологического и промышленного суверенитета. Ни один регион на планете не рискнул бы зависеть в таком объеме от третьих стран в сфере жизненно важных товаров и незаменимых компонентов, как зависим мы. Начиная с 2018 г., мы совместно с Германией внедряли инициативу, направленную на поддержку отрасли по производству аккумуляторов, а позже – водородной энергетики, электроники и здравоохранения. Кроме того, мы с Германией начали реализацию масштабных проектов, таких, например, как «танк будущего» или боевая авиационная система будущего. В отношении подводных лодок мы с нашими нидерландскими друзьями также запустили ряд структурообразующих инициатив. Однако именно после начала пандемии, а главное – с первых же недель российской агрессии против Украины мы выработали в ходе Версальского саммита полноценную стратегию суверенитета. Да-да, тот самый стратегический суверенитет, который мы в тот момент обсуждали на уровне ЕС и который отобразился в решении покончить со стратегической зависимостью в ключевых отраслях, начиная с производства полупроводников и заканчивая критически важными сырьевыми ресурсами. Были разработаны европейские документы, была одобрена политика, предусматривавшая инвестиции, обеспечение безопасности, возврат производств – меры, не имеющие аналогов в истории новейшего времени. За последние семь лет Европа стала постепенно избавляться от своей технологической и промышленной, скажем так, наивности. И начала также корректировать свою торговую политику, даже если в этом вопросе – я к нему еще вернусь – мы, как мне представляется, находимся лишь в середине пути.

Четвертым решающим шагом последних лет стало наше принципиальное и, как мне кажется, беспрецедентное решение анализировать, готовить и планировать ответы на крупнейшие вызовы, стоящие перед Европой. Было высказано очень много критики,

в частности в отношении *Green Deal*, да простят меня в Сорбонне за использование этого англицизма. Но Европа является единственным в мире политическим пространством, планирующим свои преобразования. Издавая директивы в отношении цифровых технологий, регулирующие одновременно и контент, и рынок, разрабатывая документ, позволяющий набросать контуры нашего энергетического перехода и в определенном смысле сформировать связную общеевропейскую политику, учитывающую наши международные обязательства, мы открыто определили наш курс.

Теперь, конечно, необходимо предусмотреть гибкие механизмы применения в каждой стране, а главное – сопутствующую инвестиционную политику. Но Евросоюз распланировал эти преобразования, тогда как в остальных регионах планеты крупные державы взяли на себя обязательства, но еще не попытались объяснить, как они собираются их выполнять. Мы заложили основы, которые отныне можно считать надежными ориентирами. Чуть позже я расскажу о том, в какой очередности их следует реализовывать, чтобы они могли сочетаться с политикой обеспечения экономического роста, полной занятости и промышленного развития.

Пятым решающим шагом минувшего года стало продемонстрированное Европой стремление четко обозначить свои границы. Европа – благородный принцип, основанный на свободном передвижении людей и товаров. Но она подчас забывала об ответственности и необходимости защищать свои внешние границы. Под «границей» подразумевается не неприступная крепость, а разделительная полоса между «снаружи» и «внутри». Без границы нет суверенитета. И мы, несмотря на разногласия, которые около десяти лет не давали нам продвинуться в решении этого вопроса, составили, в основном в период французского председательства, первое соглашение по предоставлению убежища и миграции, и я благодарю всех, кто этому способствовал. Этот недавно принятый пакт станет первым документом, который позволит улучшить контроль за нашими границами путем введения обязательных процедур по регистрации и систематической фильтрации на внешних границах, цель которых – отделить лиц, имеющих право на международную защиту, от тех, кому придется вернуться к себе на родину, а также позволит углубить внутриевропейское сотрудничество. Это важнейшее достижение последних лет.

Шестое достижение состоит в том, что мы стали переосмысливать свое географическое положение в связке с окружающими нас государствами. После начала российской агрессии Европа стала воспринимать себя как сплоченное содружество стран и утвердилась в идее, что Украина и Молдова являются частью европейской семьи и призваны вступить в надлежащее время в Евросоюз, как и Западные Балканы. Как я уже говорил год назад в Братиславе, мы должны помочь им обеспечить свою европейскую приверженность, уже сейчас поддержать реформы, необходимые для подготовки пути, по которому они смогут пойти лишь при условии выполнения нормативно-правовых актов Европейского союза, и параллельно провести реформы в самом Евросоюзе, который сможет расширяться лишь при условии осуществления крупных реформ и упрощения своего функционирования.

Кроме того, мы впервые оформили наши связи в масштабе всего континента, создав Европейское политическое сообщество. Эта инициатива, которую мы выдвинули в мае 2022 г., позволяет не ограничиваться двадцатью семью странами-членами, включать в Европу другие страны, начиная с наших друзей-британцев и заканчивая Норвегией и Западными Балканами, и уже на уровне континента, то есть географически значимой зоны, строить конкретное сотрудничество.

Всех этих достижений, начиная с 2017 г., удалось добиться благодаря вовлеченности и активным действиям людей, многие из которых находятся сегодня в этом зале. Я хочу поблагодарить сменявших друг друга на моем посту министров, работников государственных органов, всю совокупность коллективов, обеспечивших, в частности, успехи французского председательства в первой половине 2022 г., а также всех европейских коллег, поддержавших заявленные цели, – евродепутатов, которые за них голосовали, и Европейскую комиссию, проделавшую за последние годы колоссальную работу. Усилия, которые я только что очень сжато описал, были коллективными, и именно благодаря им казавшаяся поначалу странной концепция суверенитета постепенно была принята всеми, а Европа сумела ответить на все вызовы семи последних лет. При этом мы, безусловно, применили новый подход, не ограничиваясь, если можно так выразиться, одной лишь «брюссельской методикой».

Во время моего первого президентского срока я решил посетить все европейские столицы, все без исключения. Мы установили особые отношения, укрепили наши связи с Германией, отобразив это в Ахенском договоре, с Италией, подписав Квиринальский договор, с Испанией, заключив в Барселоне договор о дружбе и сотрудничестве. В скором будущем мы укрепим отношения с Польшей, подтвердив это очередным договором. Речь идет о том, чтобы проводить политику на принципах равноправия, более активно взаимодействовать с нашими партнерами из Центральной и Восточной Европы, создавать условия для налаживания нового диалога и диалогов в формате «Веймарского треугольника» и MED9, придерживаться, скажем так, богатой географии взаимодействия, порождающей симпатии и особые дружеские связи внутри Евросоюза, чтобы эта общность помогала Европе шаг за шагом двигаться вперед.

Да, мы многого добились за последние годы. Без этих действий, без достигнутых нами успехов в укреплении европейского суверенитета и единства мы наверняка не справились бы с этими эпохальными вызовами. И, к слову сказать, поведи мы себя так же, как во время финансового кризиса, это привело бы к драматической ситуации. Мы противостояли финансовому кризису, будучи разобщенными и несамостоятельными. Именно поэтому мы потратили, посмею напомнить, около четырех-пяти лет на его преодоление, тогда как в Соединенных Штатах Америки, откуда он к нам пришел, с ним справились меньше чем за год. На кризисы, которые нам довелось пережить, мы реагировали быстро и сплоченно, благодаря чему мы сообща продержались по сей день и выстояли.

Вместе с тем, достаточно ли этого? Имею ли я право подняться на трибуну и самодовольно заявить: «Ну вот, мы прекрасно со всем справились, это замечательно, Европа сильна. Продолжаем в том же духе»? Здравый смысл и честность предписывают признать, что битва еще не выиграна, отнюдь, и в перспективе грядущего десятилетия – а ведь именно в этой перспективе нам следует мыслить – необычайно велик риск того, что мы ослабнем, более того, утратим свое влияние. Потому что мы вступили в период небывалых мировых потрясений, все более ускоряющихся глобальных перемен.

Я выражу сегодня простую мысль. После окончания Первой мировой войны Поль Валери сказал, что теперь мы узнали: наша цивилизация смертна. Мы должны четко осознавать, что сегодня наша Европа смертна. Она может погибнуть. Она может погибнуть, и участь ее зависит исключительно от наших решений. И эти решения необходимо принять незамедлительно.

Потому что именно сейчас решается, мир или война воцарятся на нашем континенте и сумеем ли мы обеспечить собственную безопасность. И сейчас решается вопрос глобальных трансформаций, касающихся, например, перехода к цифровым технологиям, искусственного интеллекта, окружающей среды и декарбонизации; сейчас решается вопрос перераспределения факторов производства. И вопрос о том, будет ли Европа центром притяжения инноваций, научных исследований и производства тоже решается сейчас. Потому что атаке на либеральную демократию, на наши ценности, на то, что является основой, – символично, что я произношу эти слова здесь, в храме знаний, – европейской цивилизации, на идеи свободы, справедливости и просвещения должен быть дан отпор именно сейчас.

Да, мы стоим на развилке, и наша Европа смертна. Просто теперь все зависит от нас. И чтобы это осознать, достаточно обрисовать несколько очевидных факторов, которые подтвердят серьезность моих утверждений.

Первый фактор: мы не готовы к нависшей над нами угрозе. Несмотря на все, чего мы добились и что я только что перечислил, перед нами стоят важные вопросы темпов и моделей. Мы задали первый импульс. Франция по собственной инициативе удвоила свой оборонный бюджет. Мы реализуем это решение с помощью второго закона о военном планировании. Но в масштабе континента прозрение происходит слишком медленно, слишком вяло – на фоне всеобщего и все более стремительного перевооружения планеты. Напряженность в китайско-американских отношениях привела к росту расходов на вооружениеи технологических инноваций, повышению военного потенциала. Ряд ничем не сдерживаемых региональных держав тоже стал наращивать свой потенциал. Самый наглядный пример – Россия и Иран, но есть и другие. Европа оказалась в кольце, она вынуждена терпеть натиск этих держав вблизи своих границ, а иногда и на своей территории. Мы еще слишком медлительны и недостаточно напористы перед лицом этих процессов, какими бы ни были будущие задачи – необходимо отдавать себе в этом отчет.

США в первую очередь волнуют две приоритета: первый – идея «Америка прежде всего», и они имеют на это полное право, а второй – китайский вопрос. В ближайшие годы и десятилетия европейские интересы не будут входить в круг их геополитических приоритетов, каким бы прочным ни был наш союз и даже с учетом того, что нам выпал шанс иметь сегодня дело с администрацией, занимающей очень активную позицию в отношении конфликта в Украине. Поэтому да, эпоха, когда Евросоюз закупал энергоносители и удобрения в России, производил товары в Китае и перепоручал обеспечение своей безопасности Америке, закончилась!

Мы инициировали глубинные преобразования. Но их масштаб недостаточен, потому что изменились правила игры. Сам факт того, что война вернулась на европейскую территорию и ведет ее держава, обладающая ядерным оружием, все меняет! Тот факт, что Иран вот-вот обзаведется ядерным оружием, все меняет! Вот вам первое изменение правил.

Второй фактор заключается в том, что мы больше не в состоянии поддерживать нашу экономическую модель в том виде, в каком она существует сегодня. Мы с полным основанием хотим иметь все сразу, но так уже не выходит. Мы, разумеется, хотим иметь социальную защиту, и наша модель социальной политики и политики солидарности является самой щедрой в мире. Это наше преимущество. Нас волнуют проблемы климата, мы стремимся декарбонизировать энергетику, как я уже говорил, но мы единственная географическая зона на планете, которая связала себя правилами для достижения этой цели. Остальные движутся в более медленном темпе.

Мы хотим торговать с выгодой для себя, но ряд других стран начинают менять правила, применяют практику сверхдотаций, причем так ведут себя и Китай, и Америка. Невозможно на протяжении долгого времени придерживаться строжайших требований в сфере экологии и социальной защиты, инвестировать меньше, чем конкуренты, проводить более наивную, чем у них, торговую политику, и надеяться и впредь создавать рабочие места. Это больше не срабатывает.

Поэтому сейчас возник риск того, что Европа отстанет от других. И мы уже начинаем замечать признаки этого отставания, несмотря на все наши усилия. Валовой внутренний продукт на душу населения вырос в США приблизительно на 60% за период с 1993 по 2022 гг. В Европе же он увеличился меньше чем на 30%. И это еще до того, как США приняли закон о снижении инфляции, начав проводить широкомасштабную политику привлечения наших отраслей промышленности и субсидирования всех «зеленых» отраслей и технологий. Сегодня перед нами стоит задача – начать принимать меры намного быстрее и пересмотреть нашу модель экономического роста. Потому что и в этой сфере правила игры изменились, причем очень простым образом. Две крупнейшие мировые державы решили перестать соблюдать правила торговли. Я говорю об этом без обвиняков, потому что с момента принятия закона о снижении инфляции реальность именно такова. Притом что двадцать последних лет все мы хором приветствовали принятие Китая в ВТО – в сущности, ради того, чтобы вторая торговая и экономическая

держава планеты соблюдала наши правила. А сегодня крупнейшая в мире экономическая держава словно бы решила играть по собственным правилам. Такова реальность. В результате мы оказались неспособны достичь намеченных целей. Разумеется, это чревато риском обнищания. А обнищание может привести к драматической ситуации на таком континенте, как наш, где, помимо всего, требования к социальной защите являются наиболее строгими и где производимые экономические блага облагаются самыми высокими налогами.

Наконец, третьим фактором, характеризующим важность нынешней ситуации, является битва за культуру, за наши представления, нарративы, ценности, вести которую становится все сложнее. Долгое время мы считали нашу культурную модель неотразимой: распространение демократии, прогресс в области прав человека, триумф европейской «мягкой силы». Да, демократия по-прежнему сохраняет привлекательность для многих. Но давайте трезво взглянем на вещи. Нашу либеральную демократию все чаще избирают мишенью для критики – используя ложные аргументы, прибегая к подмене ценностей, потому что мы позволяем это делать, потому что в этом мы уязвимы. Сегодня повсюду в Европе наши ценности, наша культура оказались в опасности. Они в опасности, потому что под сомнение ставятся лежащие в их основе принципы, потому что авторитарный подход кажется кому-то более эффективным и привлекательным. Они в опасности, потому что наши мечты и нарративы становятся все менее и менее европейскими. Везде и всюду контент, с которым имеют дело наши дети, наша молодежь, все чаще оказывается американского или азиатского происхождения, вследствие стремительного распространения цифровых технологий, заполонивших нашу жизнь, к чему я еще вернусь.

Так что привлекательность политической модели нашей с вами Европы действительно все чаще и чаще ставится под сомнение, на мой взгляд, зачастую необоснованно и с привлечением ложных аргументов. Но, главное, Европа во многом утратила свою способность формировать большие нарративы. Некоторые из них вдохновляют на мечты людей во всем мире, а Европа сегодня пользуется теми, что создаются вне ее пределов. Из-за этого нам не удастся творить наше будущее. И три этих наблюдения, первое в отношении геополитики и безопасности, второе - экономики и третье - культуры и интеллектуального развития приводят нас к выводу о том, что вопрос самой сути нашей суверенности сегодня еще важнее, чем раньше.

Но что означает быть суверенными в этот поворотный момент истории? Что означает быть суверенными, когда вы слышите от меня, что Европа может погибнуть? А означает это, что нам необходимо ответить на три этих вызова эпохи, на все более стремительную поступь Истории, на все большую ее драматичность.

Итак, ответ кроется в нашей способности – поскольку по всем этим трем пунктам правила игры изменились – принимать широкомасштабные стратегические решения, не бояться менять парадигму и, по сути, противопоставлять им державность, экономическое благосостояние и гуманизм. И именно на этих трех пунктах я хотел бы

сегодня подробно остановиться. Я считаю, что именно державность, благосостояние и гуманизм придадут смысл европейскому суверенитету и позволят Европе сохраниться как континенту и как политическому проекту, надежному и прочному, несмотря на нависшую над ним угрозу, которая сегодня особенно сильна.

*
* *

Европа-держава это прежде всего Европа, способная заставить уважать себя и обеспечить собственную безопасность. Это Европа, признающая, что у нее есть границы, и защищающая их. Это Европа, осознающая угрозу, которая над ней нависла, и готовая ей противостоять. Чтобы этого добиться, нам нужно избавиться от положения стратегического меньшинства. Почему? Потому что мы в каком-то смысле были таковыми созданы. Многие европейские государства по окончании Второй мировой войны согласились, зачастую вынужденно, передать полномочия по обеспечению своей безопасности третьим странам, потому что никому не хотелось позволять этим государствам слишком быстро перевооружиться. И, как я сказал, мы более или менее передоверили другим все стратегические сферы: энергоносители – России; безопасность, не Франции, но ряда наших стран-партнеров, – США, и некоторые критически важные направления – Китаю. Теперь нам надлежит вернуть их себе. Это и есть стратегическая независимость.

Прежде всего, следует изменить масштаб в вопросах обороны. Главную опасность для европейской безопасности сегодня, разумеется, представляет война в Украине. Обязательное условие нашей безопасности в том, что Россия не должна выиграть агрессивную войну, которую она ведет против Украины. Добиться этого необходимо. Вот почему мы с самого начала поступили правильно, введя санкции против России, начав помогать украинцам и продолжив это делать, имея для этого, по счастью, в союзниках американцев и непрерывно увеличивая и обеспечивая нашу помощь.

И в этом смысле я с полной ответственностью принял решение занять 26 февраля в Париже позицию стратегической неопределенности. Почему? Потому что нам противостоит не сдерживающая себя держава, напавшая на европейское государство, но уже не вписывающаяся в рамки так называемой «специальной операции», которая отказывается сообщать нам, где для нее пролегает крайняя черта. С какой стати мы каждый божий день должны рассказывать, где границы, которые мы стратегически ни в коем случае не имеем права перейти? Если мы считаем, что Украина является залогом нашей безопасности, что сегодня в Украине идет борьба не только за суверенность и территориальную целостность этой страны – первостепенного значения! – но и за безопасность всех европейцев... Должны ли мы устанавливать для себя границы? Нет. А потому мы должны вести себя убедительно, сдерживающе, активно и не прекращать наших усилий. Однако эта война, начатая державой, которая обладает ядерным оружием

и отсылает к нему в своей риторике, является, по-видимому, лишь первым выражением геополитической напряженности, в которой Европе придется научиться жить. Вот почему мы в данный момент коренным образом переосмысливаем наш подход к обеспечению безопасности. Недавние события продемонстрировали ценность систем противоракетной обороны, дальнобойного вооружения, необходимых для проведения стратегических оповещений и сдерживания эскалации при наличии не сдерживающих себя противников.

Именно поэтому нам необходимо создать – и в этом и состоит смена парадигмы в вопросах обороны – надежную систему обороны европейского континента. Разумеется, европейский костяк в структуре НАТО, который мы сейчас формируем и в обоснованности которого мы убедили за последние годы всех наших партнеров, имеет первостепенное значение. Но нам также необходимо наполнить содержанием идею надежной европейской обороны, являющуюся главнейшим условием для формирования общей системы безопасности. Европа должна уметь защищать то, что ей дорого, – совместно со своими союзниками, каждый раз, когда они будут готовы нас поддержать, и в одиночку, если понадобится. Нужен ли нам для этих целей противоракетный щит? Возможно. Необходимо ли увеличить наши оборонные мощности, и какие именно? Наверняка. Хватит ли этого, чтобы отразить удары российских ракет? Этот вопрос следует проработать. Но, когда у нас под боком находится агрессивный сосед, не объясняющий более, что является для него красной чертой, но располагающий баллистическим вооружением, которое он значительно усовершенствовал за последние годы, изменив дальнобойность и технологии, сосед, владеющий ядерным вооружением и нарастивший его объемы, становится ясно, что нам необходимо разработать стратегическую концепцию надежной системы европейской обороны – ради нас же самих.

Вот почему в ближайшие месяцы я предложу всем моим партнерам приняться за подготовку европейской оборонной инициативы, первым этапом которой станет стратегическая концепция, на основании которой мы сможем сделать вывод о требуемом оборонном потенциале: системах противоракетной обороны, дальнобойных орудиях и других целесообразных силах и средствах. Франции предстоит сыграть в этом не последнюю роль. Мы располагаем самой полной моделью вооруженных сил, цель которой – иметь самую эффективную армию на континенте. Кроме того, мы обладаем ядерным оружием и соответствующим потенциалом сдерживания. Принцип ядерного сдерживания действительно лежит в основе французской оборонной стратегии. Поэтому он является неотъемлемым компонентом системы обороны европейского континента. Именно благодаря этой надежной обороне мы сможем обеспечить гарантии безопасности, на которые рассчитывают все наши европейские партнеры и которая будет также призвана создать общую систему безопасности, гарантию безопасности для каждого. И эта система безопасности позволит нам по завершении конфликта выстраивать соседские отношения с Россией.

Помимо всего этого и необходимости коренного изменения европейской парадигмы, следует наладить по-настоящему тесное стратегическое сближение между европейскими вооруженными силами. Добиться этого мы сможем, запустив второй этап Европейской инициативы вмешательства, которую я предложил в 2017 г. Инициатива оказалась по-настоящему успешной. К ней присоединилось тринадцать стран-членов ЕС. Мы сумели выстроить прагматичное, эффективное сотрудничество. Применили его в Сахеле, где действовала целевая группа «Такуба». Она заложила основу для проведения европейской операции ASPIDES в Красном море, первой в своем роде. Чтобы действовать совместно в рамках коалиций нужна культурная общность. А она будет достигнута за счет, с одной стороны, выработки европейских региональных стратегий безопасности и обороны в Средиземноморском бассейне, Африке, Индо-Тихоокеанском регионе, Арктике, что поможет нам сформировать общее видение и эффективнее распределять усилия внутри европейского сообщества, а кроме того, за счет создания Европейской военной академии, в которой будут готовить европейских военных и гражданские кадры для сфер обороны и безопасности.

Нам следует также поспешить с реализацией концепции «Стратегического компаса», которая была принята во время председательства Франции в Совете Европейского союза, и особенно с формированием сил быстрого реагирования, чтобы в кратчайшие сроки, к 2025 г., разместить до 5 000 военных в зонах с неблагоприятной обстановкой, в частности для оказания помощи нашим соотечественникам. Для этого мы должны также освоить новые пространства конфронтации. Те, в которых, как мы это уже наблюдаем в условиях гибридной войны, которую ведет против нас Россия, уже проявляется одна из сторон нынешней войны, пространства, которые призваны защищать нашу инфраструктуру, будь то транспортное обеспечение, медицинские учреждения, сети электроснабжения или системы связи. Поэтому я ожидаю, что мы разовьем европейский потенциал в сфере кибербезопасности и киберзащиты. Сейчас, когда все мы начинаем создавать этот потенциал для наших национальных вооруженных сил, у нас появилась уникальная возможность наладить одновременно внутриевропейское сотрудничество и противостоять этим угрозам в масштабе Евросоюза.

Как видите, ответственный подход выражается в том, что мы сами принимаем решения и руководим европейскими начинаниями в области обороны. Итак, выработка новой парадигмы, более тесное сближение и совместные конкретные инициативы.

Для того чтобы это осуществить, у нас уже имеются форматы, уникальные партнерства. Великобритания является нашим подлинным и преданным союзником, и заключенные между нами договоры, такие, например, как Ланкастерские соглашения, укрепляют основу для сотрудничества. Его необходимо развивать. Углублять. Потому что «брексит» его не ухудшил. Возможно, нам даже следует расширить его, привлечь других партнеров. Европейское политическое сообщество, безусловно, является оптимальной площадкой для создания новой парадигмы безопасности, более тесного стратегического сближения и выработки общей системы безопасности и обороны.

Разумеется, не существует обороны без оборонной промышленности. В этой сфере нам предстоит превратить чрезвычайную помощь Украине в долгосрочную поддержку. Перейти на рельсы так называемой экономики военного времени, к которой мы с министром так активно призываем. Сделать предстоит многое, так как на протяжении десятилетий, не будем этого отрицать, мы вкладывали недостаточно средств в наши собственные производства. Под влиянием «мирных дивидендов» европейские страны недостаточно производили и инвестировали, что привело к огромной зависимости от неевропейской продукции. Сегодня в ответ на это нам необходимо производить быстрее, больше и непосредственно в Европе, это имеет решающее значение. Вот почему я с полной ответственностью призываю отдавать предпочтение европейской продукции при закупках военной техники.

Вспомним Европейский фонд мира, который мы создали в начале войны. Три четверти средств были потрачены на закупку неевропейской техники! Конечно, имел место фактор срочности: Европа не могла произвести все, что требовалось. Но, помимо этого, сказывались прочно укоренившиеся рефлексы: зачем производить самим, когда можно купить? Или у американцев, или у корейцев. Как же нам в будущем добиваться суверенитета, самостоятельности, если мы не способны создать европейскую оборонную промышленность?

А потому нам следует разрабатывать механизм европейских преференций, создавать европейские промышленные программы, смело увеличивать поддержку Европейского инвестиционного банка и выделять дополнительные средства, в том числе наиболее инновационные, вроде европейского займа, предложенного премьер-министром Каей Каллас.

Итак, цель общеевропейской промышленной оборонной стратегии в том, чтобы производить быстрее, больше и непосредственной в Европе. Для Франции с ее развитой оборонной промышленностью это является уникальным шансом, потому что мы, помимо всего прочего, сможем при надлежащей организации продвинуть наши стандарты. Собственно, именно этого мы и добились за последние несколько лет в отношении самолетов Rafale. Кто предполагал семь лет назад в Хорватии, Греции и других странах Европы, что Rafale будет рассматриваться как один из компонентов европейской противовоздушной обороны? А ведь именно это сейчас и происходит. И именно это должно побудить нас разработать общеевропейские стандарты, потому что одним из недостатков стран-членов Евросоюза является чрезмерная разобщенность в плане оборонной продукции. Наша раздробленность является нашим недостатком. Мы убедились в этом беспощадным и конкретным образом после начала войны, когда неожиданно обнаружили, что у нас, стран Евросоюза, пушки разного калибра, что наши ракеты отличаются друг от друга характеристиками и что это снижает нашу способность вести совместные военные операции. Поэтому военные усилия должны также выразиться в стандартизации, создании промышленных гигантов, большей европейской сплоченности и в проведении полноценной промышленной оборонной политики. Это необходимо, и мы должны это осуществить.

Итак, вы уже поняли: нам необходимо не просто перейти на новый этап, а разработать по-настоящему новую парадигму в области обороны, включающую в себя все аспекты, от стратегической концепции до более тесного сближения, создания новой структуры и нового оборонного потенциала. Но европейская оборонная мощь должна, разумеется, сопровождаться дипломатической деятельностью.

Сегодня дипломатия является прерогативой каждой страны-члена ЕС. Однако мы можем ее усилить и подвести под нее фундамент большей согласованности между европейскими странами. Вот почему я считаю, что в ближайшие годы нам нужно продолжать двигаться в этом направлении в дополнение к новому подходу, к активизации в области безопасности и обороны. Нужно продолжать развивать партнерства со странами, не входящие в Европейский союз, иными словами, строить Европу, способную доказать, что она отнюдь не является вассалом США и может взаимодействовать со всеми регионами планеты, со странами с быстро развивающейся экономикой, с государствами Африки и Латинской Америки. И делать это нужно не только с помощью торговых соглашений, а предлагая полноценные стратегии сбалансированного и взаимовыгодного партнерства.

Мы добивались этого начиная с саммита Европейского и Африканского союзов, состоявшегося в первом полугодии 2022 г., и вплоть до появления стратегии Европейского союза в отношении Индо-Тихоокеанского региона. Нам важно было продемонстрировать, что мы являемся сбалансированной державой, открытой миру и отвергающей биполярное противостояние, в котором увязло слишком много континентов. Оперировать разными стратегиями по отношению к Арктике, Индо-Тихоокеанскому региону, Латинской Америке, Африке дает возможность показать, что Европа – не просто фрагмент Запада, а самостоятельный континент, осознающий свою разносторонность и соотношение сил на планете, который не желает участвовать в столкновении тектонических плит, а хочет строить сбалансированные партнерства.

Это является жизненно необходимым, и мы должны продолжать идти по пути, который позволяет нам доносить собственную точку зрения по многим вопросам – образованию, здравоохранению, борьбе с климатическими изменениями и бедностью, как мы сделали это благодаря Парижскому пакту в интересах народов и планеты. И продемонстрировать, что мы никогда не используем двойные стандарты и в этом смысле тоже являемся независимыми.

Европа-держава это также Европа, контролирующая свои границы. Я уже говорил об этом, когда упоминал о принятии Пакта о миграции и предоставлении убежища, являющемся колоссальным достижением. Но я вновь возвращаюсь к этому, потому что сегодня, как всем нам известно, тема границ и иммиграции закономерным образом волнует наше общество, нашу страну. Для Франции она имеет особенно важное значение, потому что Франция является, простите меня за термин, рискующей показаться бездушно техническим, зоной вторичной миграции. Это означает, что

иммигранты не въезжают во Францию напрямую. Они прибывают на европейский континент, в частности в Шенгенскую зону, пересекая границы других стран.

Вот почему Франция, подчас острее других, нуждается в эффективной европейской политике и отлаженном сотрудничестве. Ведь иммиграция начинается у европейских, а не у одних лишь французских границ. В нашу страну прибывают люди, спасающиеся от нищеты, встречаются среди них и жертвы сетей торговли людьми, и те, кто имеет законное право на убежище в силу своей борьбы за свободу. Они всегда попадают в Европу через Испанию, Италию, Балканский полуостров, Грецию, а затем направляются в нашу страну. Вот почему нам, возможно, больше, чем другим, необходимо более тесное сотрудничество с другими странами Европы. И вот почему теперь Пакт о миграции и предоставлении убежища предстоит реализовать, ведь он предоставляет нам доступ к абсолютно новым механизмам, которых у нас раньше не было. Речь идет о более эффективной регистрации, мониторинге и условиях возвращения в страну первого въезда. Это само по себе является выдающимся достижением. Но нам следует проявлять больше твердости в вопросах возвращений и повторных въездов лиц, которые прибывают к нам, но не могут остаться, так как не имеют права на убежище. Для этого нужна полноценная общеевропейская политика и четкая координация. Она найдет свое выражение в сотрудничестве со странами происхождения и транзита, в строже прописанных условиях и в непрерывной борьбе с экономическими схемами лиц, занимающихся незаконным провозом мигрантов и торговлей людьми.

Мы должны осуществлять это сотрудничество и разрабатывать эту политику силами всех двадцати семи стран, в частности с привлечением стран Шенгенской зоны. Наивной политики в этом вопросе быть не должно. И мы не можем довольствоваться пассивным наблюдением за политиками возврата иммигрантов, неэффективными из-за своей разобщенности. Но я также не верю в предлагаемую нам сегодня модель, состоящую в том, что нужно найти сторонние страны, на африканском континенте или где-либо еще, и доставлять туда незаконно прибывших на нашу территорию людей, которые изначально приехали из совершенно других мест. Такая геополитика основана на цинизме, она предаст наши ценности, она приведет к возникновению новых зависимостей и окажется совершенно неэффективной. Правильное решение состоит в том, чтобы доработать наши визовые режимы, наши торговые преференции со странами происхождения и транзита и добиться от них ответственного отношения к миграционной политике. Если мы будем действовать сообща, такой подход оправдает себя. Но сегодня мы слишком разобщены. Возвращение нелегальных мигрантов на их родину должно стать одним из ключевых направлений нашей визовой политики и торговых преференций с точки зрения выдвигаемых условий. Мы также должны наладить новые оперативные партнерства, чтобы бороться с незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми, мобилизовать агентство FRONTEX, – а число пограничников и сотрудников береговой охраны, чью работу оно координирует, скоро достигнет десяти тысяч, – чтобы способствовать возвращению людей к ним на родину и позволять этой структуре наращивать свой потенциал. Мы в это верим. Я с самого начала

за это боролся. И продолжаю верить в эти идеи, даже если некоторые из тех, кто им служил, начинают в них сомневаться.

Как вы уже поняли, для защиты своих граждан Европа должна также противостоять угрозам и организациям, не сдерживаемым границами и государствами. И наряду с проблемой иммиграции этот вопрос тоже требует согласованности европейских стран. Терроризм, организованная преступность, наркоторговля, призывы к ненависти и киберпреступность – все эти проблемы требуют усиления действий на уровне всей Европы. Вот почему я в первую очередь стремлюсь к тому, чтобы «Шенгенский совет» стал полноценным Советом по внутренней безопасности Евросоюза. Наши границы – это наше общее достояние. Для евро, еще одного общего достояния, мы сумели подобрать политическую форму, воплотившуюся в надежную межправительственную структуру: Совет по экономическим и финансовым вопросам ECOFIN. Таким же общим достоянием являются и наши границы. Мы должны создать политическую структуру, которая позволит всем странам, которые в нее войдут, принимать решения по таким вопросам, как иммиграция, борьба с организованной преступностью, терроризмом, наркоторговлей и киберпреступностью, и принимать их совместно. Давайте сменим форму управления, чтобы повысить ее эффективность! Мы также должны в рамках Шенгенской информационной системы гораздо активнее обмениваться информацией, чтобы предотвращать отъезды боевиков-террористов, возвращения из зон конфликтов, не допускать радикализации и проводить полноценную политику по изъятию контента террористического характера и в особенности контента, содержащего призывы к ненависти, расистские и антисемитские заявления. Именно выступая от лица всех европейских стран, мы сумеем добиться этого от интернет-платформ, которые на сегодняшний день не выполняют своих обязательств в этом вопросе, ни в плане модерации, ни в плане сдержанности. И именно действуя на общеевропейском уровне, в рамках Совета, мы сможем проводить эффективную политику в отношении организованной преступности и наркотиков. Они стали настоящим бедствием, особенно пагубным для самых уязвимых стран – либо в силу незащищенности их портов и пунктов въезда, либо же потому, что некоторых из них были убеждены: чем либеральнее будет их политика, тем больше снизится криминогенность, тогда как в действительности происходит обратное. В этом вопросе нам тоже необходим единый европейский подход.

Как вы поняли, Европа-держава проявляет себя в обороне и защите своих границ, в коренной смене парадигмы, потому что, если мы, европейцы, намерены противостоять изменению правил, эскалации насилия, свободному использованию военных сил и средств на нашем континенте и за его пределами, нам придется пересмотреть наши стратегические концепции и ресурсы и вернуть себе полный, всесторонний и безбоязненный контроль за нашими границами.

*

* *

Вторым пунктом является экономическое благосостояние. Если мы хотим обеспечить себе суверенность в момент коренных преобразований, которые я описывал, нам необходимо создать новую модель экономического роста и производства. Это требуется потому, что держава немыслима без прочного экономического фундамента. В противном случае мы объявим о своей суверенности, но финансировать ее будут другие. Экологические преобразования тоже невозможны без эффективной экономической модели. А социальная система, важнейшее достижение европейских стран, не сможет существовать, если не будет денег, которые затем будут перераспределяться. Долгое время Европа была залогом нашего экономического роста, плода ордолиберальной системы, которая была основана на конкуренции и свободной торговле в эпоху, когда правила были совсем иными, запасы сырья казались неисчерпаемыми и не являлись объектом геополитики, про климатические изменения никто не слышал, торговля была свободной и все соблюдали ее правила. Ведь именно в таком мире мы жили до недавних пор. За несколько лет все изменилось, абсолютно все. Выяснилось, что запасы сырья ограничены - тут и критически важное сырье, и энергоносители. Что касается ископаемого топлива, то на своей территории мы его не добываем, в отличие от США и многих других стран, не знающих такой зависимости. Критически важное сырье нам необходимо, и Китай уже начал торговать им, расширяя свои запасы. А что касается торговых отношений, то, как я уже говорил, правила меняются, это факт. Мы возвращаемся к естественному состоянию.

Мы стремимся к вполне ясным целям: мы хотим производить больше экономических благ, чтобы повысить наш уровень жизни и обеспечить всех рабочими местами; хотим гарантировать европейцам покупательную способность – этот вопрос беспокоит всех наших соотечественников; это конкретная потребность и задача нашей европейской политики. Мы хотим декарбонизировать экономику и справиться с вызовами в сфере биоразнообразия и климата; хотим обеспечивать наш суверенитет, а значит, держать под контролем стратегически важные производственные отрасли; и, наконец, мы хотим сохранять открытость нашей экономики, чтобы оставаться крупной торговой державой. Наши цели ясны, но нам до них далеко, и достичь их при соблюдении существующих правил мы не можем. Нам до них очень далеко. Далеко, потому что мы стоим в стороне от переустройства мира. Потому что мы слишком много регламентируем, слишком мало инвестируем, ведем себя излишне открыто и недостаточно твердо отстаиваем свои интересы. Реальность именно такова.

Поэтому и в этой сфере необходимо создать новую парадигму экономического роста и благосостояния, если мы намерены достичь пяти целей, которые я только что перечислил. Потому что, если мы будем идти к ним, соблюдая правила конкурентной, торговой, валютной и бюджетной политики, которых мы сегодня придерживаемся, у нас ничего не выйдет. Закончится все очень просто: мы лишимся производства.

Почему мне кажется, что мы и здесь должны поспешить? Во-первых, потому что я констатирую накопившийся за тридцать лет разрыв между Европой и США, но, кроме того, потому что перераспределение факторов производства происходит именно сейчас. Потому что вопрос о том, где сосредоточатся «зеленые» технологии, главные мощности

в области искусственного интеллекта и вычислений, будет решен в ближайшие пять-десять лет, причем наверняка скорее в пять, чем в десять. Поэтому мы именно сейчас не должны опоздать на встречу с Историей. И именно сейчас нужно сдержать избыточное регламентирование, увеличить объемы инвестиций, изменить правила и эффективнее защищать наши интересы. Вот наша цель. Вот наша новая модель.

По сути, нам следует разработать пакт благосостояния, основанный на нескольких очень простых составляющих.

Прежде всего, производить нужно больше и экологичным способом. Декарбонизированное производство дает нам возможность реиндустриализации и сохранения в Европе промышленности. Мы сами в этом убедились за последние годы: водородная энергетика, полупроводники, электрические аккумуляторы – Франция возродила свой промышленный потенциал благодаря энергопереходу. Поэтому пора прекратить противопоставлять декарбонизацию и экономический рост. Если нам это под силу и создаются новые инвестиционные секторы, значит, схема работает. Именно за эту модель мы и выступаем. Мы постепенно становимся лидерами по производству аккумуляторов. Наша цель – к 2030 г. полностью покрыть потребности аккумуляторами европейского производства. И мы ее достигнем! Мы также преодолеем отставание в сегменте полупроводников, тут наша цель – к 2030 г. вдвое увеличить долю Европы. И, как я уже говорил, налицо достижения в сфере создания рабочих мест, от Дюнкерка до Фос, в сфере подготовки кадров, обустройства привлекательных инновационных пространств, сокращения нашей зависимости. Европа дарит нам шанс и поддерживает «зеленую» реиндустриализацию, и именно это позволит нам восстановить промышленные мощности и стать первым континентом с нулевым уровнем загрязнения пластиковыми отходами, эпицентром декарбонизации и электрификации.

Вторая составляющая – это упрощение. С тех пор как Жак Делор тридцать лет назад положил начало единому внутреннему рынку, мы углубляем и расширяем его посредством все большей интеграции. И это вопрос здравого смысла, ведь единый рынок способствует упрощению за счет перехода от двадцати семи систем правил к одной. В своем недавнем докладе Энрико Летта высказался за продолжение модернизации и работы в интересах наших сограждан и предприятий. Я тоже выступаю за то, чтобы мы включили в единый рынок секторы, которые до настоящего времени он не охватывал: энергетика, телекоммуникации, финансовые услуги. Это необходимо, так как позволяет сократить раздробленность правил в этих важных секторах, а значит придать дополнительный импульс инновациям, снизить транзакционные издержки, тем самым нарастить потенциал в области инноваций и инвестиций и лучше служить нашим интересам.

Мы также должны быть готовы к тому, чтобы изменить нашу политику в области конкуренции, способствуя появлению европейских лидеров, и оказать массивную поддержку предприятиям стратегически важных секторов за счет дополнительных инвестиций на уровне всех двадцати семи стран-членов ЕС, к чему я вернусь чуть позже. Но упрощение – это больше, чем расширение единого рынка. Это и отмена правил,

образующих границы между странами-членами Евросоюза, с тем чтобы прямо сейчас обеспечить нашим стартапам доступ к внутреннему, то есть европейскому рынку, так как без этого они оказываются в менее выгодном положении с точки зрения конкуренции с китайскими и американскими стартапами. Наша сила – это внутренний рынок и его 450 миллионов потребителей. Вот почему единый рынок является выбором в пользу упрощения.

Скажу прямо: нужно Европе менее сложной. Мы разработали необходимые нормативные документы, которые служили вехами, ориентирами, целями. Однако временами мы слишком углублялись в детали, не позволяя тем самым экономическим субъектам строить планы в долгосрочной перспективе, ставя их в менее выгодное положение по сравнению с иностранными конкурентами. Мы должны решиться на упрощение – в первую очередь за счет пересмотра пороговых уровней и требований к малым и средним предприятиям. Мы должны больше вовлекать наши предприятия, наших граждан и территориальных субъектов на ранних этапах, принимать во внимание их сложности еще на стадии разработки стандартов, а затем на стадии выполнения. Мы должны вернуться к принципу пропорциональности, что означает более масштабный подход к основным проблемам, лучшее сопровождение, большее доверие и меньшее количество документов, и к принципам subsidiarity, что позволяет ставить далекоидущие цели и вводить в надлежащих случаях общеевропейские правила, но при этом оставляет гибкость для их выполнения на национальном уровне. Вот почему в ближайшие годы в рамках следующего мандата необходимо провести несколькими волнами упрощение нормативно-правовых документов, не изменяя поставленные цели и ориентиры по основным вопросам, но упрощая процесс выполнения и обеспечивая лучшее сопровождение экономических субъектов.

Третьей составляющей пакта благосостояния является ускорение промышленной политики, хотя, напомним, еще семь лет назад это звучало как нечто неприличное. Нам говорили, что промышленная политика не может входить в задачи Европы. Но сегодня многие возвращаются к интересной, стоит признать, концепции «свобода оставаться» – а ее воплощает именно промышленная политика. Речь идет о возможности вести производство на всей территории Европы, притом что Европа слишком долго ставила во главу угла модель конкурентоспособности, в том числе на своей территории, и модель конкуренции, создав свой собственный дисбаланс, который не был в достаточной мере компенсирован политикой сплочения, а затем и демографический дисбаланс, с которым столкнулся целый ряд наших партнеров.

Я глубоко верю в то, что промышленная политика является залогом нашего благосостояния в отношениях с внешним миром, а также залогом эффективного территориального планирования на уровне Европы. Развитие производства в Европе стала одной из областей важного сближения между Францией и Германией. Федеральный канцлер Германии Олаф Шольц призвал к нему в своей речи в Праге в августе 2022 г. Оно уже семь лет находится в центре нашей стратегии и в центре программы действий на уровне Европы, которую мы определили в Версале.

Промышленная политика, которую мы строим в последние годы, принимая новаторские решения, – от закона о микрочипах до всего, что было сделано в сфере чистых технологий и других областях, – должна включать цели по производству на территории Европы, инициативы по подготовке кадров и совместные инвестиции. Кроме того, она должна укреплять наши достижения в таких стратегических секторах, как стратегически важное сырье, полупроводники, цифровые технологии и здравоохранение, где общеевропейская политика позволяет удовлетворять потребности наших сограждан, поскольку, например, только она способна решить проблему нехватки лекарственных препаратов, с которой мы сталкиваемся, а также проблему доступа к пациентам.

Поэтому, как вы видите, следует продолжать укрепление промышленной политики в этих секторах. Такой подход оправдывает себя, и мы должны распространить его на стратегически важные секторы будущего, пока у нас не появилась зависимость. Следует прямо сейчас постановить, что к 2030 г. мы превратим Европу в мирового лидера в пяти новейших стратегических секторах. В секторе искусственного интеллекта – за счет масштабного вложения средств в талантливых специалистов и вычислительные мощности. На Европу приходится 3% мировых вычислительных мощностей. Только представьте: Европа это всего 3%. Нужно стремиться к сокращению этого разрыва, с тем чтобы к 2030-2035 гг. достичь не менее 20%, если мы хотим быть убедительными участниками рынка. Европа должна стать лидером в квантовой информатике, в космической отрасли, где необходимо доработать ракету-носитель «Ариан-б», – и я говорю это сейчас, когда раздаются самые различные мнения, ведь «Ариан-б» – это возможность обеспечить Европе доступ в космическое пространство. Это абсолютная необходимость. У Европы должны быть масштабные цели в области освоения космоса, выходящие за пределы концепции «Новый Космос» и пилотируемых космических полетов. Это распространяется и на секторы биотехнологий и альтернативных способов производства энергии: водорода, модульных реакторов и термоядерного синтеза.

Как минимум в этих пяти стратегических секторах Европейский союз должен разработать специальные стратегии финансирования. А для них требуются надлежащие инструменты. Да, нужно инвестировать в интересующие нас секторы и вести совместную работу, но для этого, как я сказал, необходимы эффективные инструменты. Мы уже начали создавать их. К ним относятся те самые важные проекты, представляющие общеевропейский интерес, которые хорошо знают в промышленности. Они сыграли ключевую роль, когда еще в 2018 г. мы с Германией решили двигаться вперед. Но и здесь нужно снова синхронизировать наши действия. После принятия в США закона о снижении инфляции и в условиях китайских сверхинвестиций такой подход утратил эффективность, поскольку является слишком медленным и неопределенным. Следовательно, мы должны создать новые инструменты. Иными словами, должны обеспечить промышленности определенность, как минимум вдвое сократить сроки и при этом использовать такие же простые механизмы, как механизм налогового кредита, создавая промышленности перспективу на пять-десять лет вперед, реагируя в сжатые сроки – от трех до шести месяцев – и предоставляя поддержку ключевым отраслям.

При этом, как мы видим, в таких секторах, как химия и производство критически важных лекарственных препаратов, мы теряем сегодня мощности, поскольку наши инструменты являются недостаточно быстрыми, эффективными и доступными. Кроме того, надлежит изменить правила в области промышленной и конкурентной политики. Необходимо внести в наши договоры положение о европейских преференциях в таких стратегически важных отраслях, как оборона и космос. Ведь наши конкуренты уже сделали это. У них они есть. В отсутствие европейских преференций в космической отрасли не будет и самой отрасли. То же самое с атомной энергетикой. Разве вы когда-нибудь видели, чтобы американское министерство обороны или энергетики финансировало нового участника рынка из Европы? Я знаю, что большое число американских стартапов, считающихся плодом исключительно врожденного гения их создателей, получают масштабные дотации в рамках институциональной политики США. Давайте поступать так же, ведь речь идет о конкуренции. Европейские преференции в стратегически важных отраслях – обороне и космосе – и исключения из принципа свободной конкуренции для поддержки ключевых сфер в области перехода – искусственного интеллекта и «зеленых» технологий необходимы. Только так мы сможем противостоять китайским и американским сверхдотациям.

В числе стратегически важных секторов есть два, на которых я хотел бы остановиться подробнее. Это энергетика и сельское хозяйство. Энергетика – потому что в этом секторе мы, бесспорно, провели больше всего реформ. При этом именно в нем необходимы самые коренные преобразования. Мы должны стремиться к тому, чтобы построить Европу атома, и помнить, что создание Европейского сообщества по атомной энергии является частью основополагающих целей договоров 1957 г. Перед нами стоят необыкновенно сложные задачи, но они нужны нам. В настоящее время в числе проблем с ценовой конкурентоспособностью в Европе есть проблема затрат труда. Мы стараемся решить ее посредством реформ. Но при этом мы осознаем, что в силу нашей социальной модели возможности в этой сфере ограничены. Проблема ценовой конкурентоспособности обусловлена энергетикой и нашей зависимостью от ископаемого топлива, которое на сегодняшний день мы не производим. Чем быстрее мы проведем преобразования, тем быстрее вновь обретем конкурентоспособность. Поэтому безуглеродная энергия, выработанная в Европе, – это ключ к успешному сочетанию борьбы с изменением климата, обеспечения суверенитета и создания рабочих мест. Нам нужна комбинированная стратегия, совмещающая энергоэффективность, внедрение технологий с использованием возобновляемых источников энергии и развертывание ядерных установок. Именно это превратит Европу в подлинного лидера в области производства электроэнергии. Ключ в этом.

В последние годы мы совершили ошибку, начав дробить европейский рынок водорода и электроэнергии. Сегодня нам крайне важно достичь технологической нейтральности. По сути, мы должны построить Европу свободного движения безуглеродных электронов. Прошу прощения, что ставлю вопрос так, но именно это следует сделать. И неважно, как они произведены: с использованием возобновляемых источников энергии или атома.

Если мы сможем производить на территории Европы безуглеродную электроэнергию, это даст нам возможность обходиться без углеродной электроэнергии и ее закупки. Вот почему нам нужна технологическая нейтральность, нужно наращивание строительства дополнительных мощностей, использующих энергию из возобновляемых источников и атомную энергию. Мы должны укреплять атомный альянс, который мы создали и который объединяет порядка пятнадцати государств-членов, должны поддерживать Европу атома, должны выделять средства на объединение европейских электроэнергетических систем. Ключ именно в этом. И тогда промышленные предприятия и население по всей Европе смогут заключать договоры, которые будут обеспечивать им определенность и гарантировать поставки дешевой, произведенной в Европе и безуглеродной электроэнергии.

Вторым стратегическим сектором, на котором я хотел бы остановиться подробнее, является сельское хозяйство. Мы много говорили о нем, отчасти в примирительной тональности, учитывая выразившееся недовольство. Но гнев наших фермеров был направлен не против Европы – и они это хорошо осознают, особенно во Франции, где на Европу приходится порядка 10 миллиардов евро дотаций для нашего аграрного сектора и где это единственный релевантный рынок, тем более что сельское хозяйство является у нас одной из экспортирующих отраслей. Это скорее гнев против переизбытка правил, сложностей, абсурдных стандартов и плохого применения европейского и французского права. В связи с этим глава правительства и министры проделали очень большую работу по подготовке программы действий, – выполненной уже на три четверти, – которая подразумевает упрощение и сопровождение.

Но ключом в сельском хозяйстве является Европа, поскольку и здесь речь идет о промышленной политике и обеспечении суверенитета. Я говорил это еще во время пандемии коронавируса. Какой безумец передаст другим ответственность за свое питание? Мы не имеем права допускать образования продовольственной зависимости. Мы уже попадали в нее, затем начали от нее избавляться, в частности в области животного белка, производство которого в силу давних послевоенных геостратегических решений мы в каком-то смысле доверили другим континентам. И теперь крайне важно продолжать укрепление нашего продовольственного суверенитета.

Когда я слушаю многих своих коллег, мне представляется безрассудством, что сельское хозяйство каждый раз становится разменной монетой в торговле. Нет! Нет! Нужно, чтобы мы сами производили себе продовольствие, чтобы мы продолжали импортировать и экспортировать, чтобы все было открыто, но чтобы мы не попадали в зависимость. Если европейские страны окажутся в полной зависимости от производителей растительного белка, если зависимость будет касаться определенной части их рациона, останется лишь пожелать им удачи. И можно будет сколько угодно объяснять, что мы восстановили суверенитет в области полупроводников и всего остального. Представьте только: мы выйдем к нашим согражданам и скажем, что все делали правильно, но просто считали, что продовольствие будет и дальше торговаться свободно. Геополитика распространяется и на продовольствие, а значит, сельское хозяйство – это вопрос суверенитета, занятости и производства.

Нам нужна сильная и упорядоченная общая аграрная политика, менее запутанная и облегчающая административное бремя. При этом в области сельского хозяйства и рыболовства необходимы устойчивая поддержка преобразований, изменения методов хозяйствования и отказа от фитосанитарных средств каждый раз, когда существуют технические решения; необходимы обновление рыболовного флота и его перевод на безуглеродное топливо, как это было недавно сделано в заморских территориях, и при этом однозначно необходимы защита сектора, проведение политики повышения информированности потребителей, а также сопровождение в целях смягчения последствий изменения климата и воздействия на окружающую среду. Кроме того, необходима защита наших производителей от недобросовестной практики, причем защита последовательная и на европейском уровне. Именно поэтому нам требуются европейские санитарные органы и органы контроля, которые будут предотвращать недобросовестную практику между европейцами, а также полноценные европейские таможенные силы, которые будут удостоверяться в том, что импортируемая продукция, – на которой иногда просто заменяют в порту этикетки, а затем выпускают на европейский рынок, – действительно изготовлена с соблюдением тех же обязательных требований к производству, что у нас.

В этом залог смелой промышленной политики.

Это подводит меня к четвертой составляющей пакта благосостояния: пересмотру торговой политики. Несомненно, именно в этой области наблюдается одно из самых основательных, на мой взгляд, изменений парадигмы. Открытый рынок – да, но при условии защиты наших интересов. И, как я сказал, он невозможен, если во всем мире одни мы соблюдаем правила торговли в том виде, в каком они были установлены пятнадцать лет назад. Если китайцы и американцы больше не соблюдают их, предоставляя сверхдотации критически важным секторам, то мы не можем быть единственными, кто следует правилам. Так не получится. И, к слову, уже не получается. В этом отношении мы или слишком наивны, или слишком невежественны.

У нас есть полноценный инструмент воздействия. Мы – рынок с 450 миллионами потребителей. Огромная сила. Это означает, что мы должны защищать наше здоровье, строго применяя наши санитарные требования. Мы должны защищать нашу социальную модель, следуя нашим социальным стандартам. Мы должны защищать наши цели в области климата, отстаивая наши природоохранные стандарты. В противном случае мы создадим континент, который душит ограничениями своих производителей и одновременно своей торговой политикой отменяет ограничения на импортную продукцию. Замечательно. Мы станем рынком, на котором не останется производителей, соответствующих нашим требованиям, и который в силу возникшей зависимости будет вынужден потреблять продукцию, не отвечающую нашим стандартам. Таковы реалии. Поэтому, если мы хотим соответствовать нашим амбициям, необходимо внести глубокие коррективы в торговую политику.

И это уже делается. Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение, которое мы заключили с Канадой, получилось эффективным благодаря проделанной работе и

коррективам. Я говорю это, потому что нельзя поддаваться демагогии. И мне грустно от того, что я видел, в том числе на уровне обсуждений во Франции в последние недели. Мы не должны доходить до полного отказа от любых торговых соглашений, иначе – удачи вам, и да здравствует демагогия! Пусть те, кто утверждает, что торговля идет плохо, попробуют объяснить это нашим фермерам, которые от торгового соглашения с Канадой только выигрывают. А почему они выигрывают? Именно потому, что мы предусмотрели зеркальные положения. Именно потому, что речь идет о торговом соглашении нового поколения, которое позволяет нашим производителям сыра и молока экспортировать свою продукцию в Канаду, но при этом в случае расхождения стандартов по мясу оно позволяет избежать импорта мяса, которое не соответствует европейским стандартам.

Но мы не выступаем за закрытие рынка, поскольку оно повлечет за собой спад в промышленности и сельском хозяйстве, то есть на уровне европейских производителей. Мы выступаем за добросовестную конкуренцию и, следовательно, за пересмотр торговой политики, как это было сделано и с Новой Зеландией. Модернизированные и справедливые торговые соглашения – это те, в которых соблюдение Парижского соглашения по климату является важнейшей частью, которые включают жесткие положения в отношении условий производства отдельных видов чувствительной продукции, в том числе сельскохозяйственной. В этом их отличие, например, от проекта соглашения с МЕРКОСУР старого поколения – в том виде, в котором оно обсуждается.

Мы должны систематически использовать инструменты добросовестной конкуренции. Должны включить зеркальные положения во все наши торговые соглашения. Должны разработать масштабную стратегию взаимности, чтобы добиться внесения зеркальных положений в новые европейские стандарты и пересмотреть уже существующие стандарты. Одновременно мы должны указывать углеродный след товаров, чтобы потребители знали этот показатель и понимали, что европейские товары практически всегда наносят меньший ущерб планете. Мне предельно ясно: если товар не соответствует ключевым стандартам, он не должен ввозиться на территорию ЕС как ни в чем не бывало.

Четкие правила, четкий контроль и общие таможенные органы. Только на такую торговую политику можно полагаться, и только она может обеспечить эффективную защиту наших границ и производителей, чтобы нам не пришлось капитулировать перед деиндустриализацией. Углеродный налог, взимаемый на границе, – это инструмент, позволяющий сделать первый шаг. Тако налог нужно расширять, дополнять и совершенствовать, чтобы его невозможно было обойти и чтобы он распространялся и на переработанные товары.

Наконец, необходимо укреплять механизмы обеспечения экономической безопасности. Я как раз обсуждал в Гааге с премьер-министром Марком Рютте вопрос защиты наших рабочих мест, предприятий и продукции творческой деятельности. Лучшая защита нашей промышленной и интеллектуальной собственности, лучший подбор инвестиций в чувствительные секторы за пределами Европы, лучшая защита от физических посягательств – например, на подводные и телекоммуникационные кабели, а также на

европейские спутниковые группировки, такие как Galileo, Copernicus и в будущем Iris. Экономическая безопасность тоже занимает центральное место в торговой политике.

Пятое условие всеобщего благосостояния – это борьба за инновации и научные исследования. Ведь мы должны прежде всего заботиться о производительности, а для этого необходимо занимать сильные позиции в области инноваций и научных исследований.

Многие наши страны, – я говорю так в этом храме знаний, – уже занимают такие позиции, но мы должны готовить еще больше молодых талантов и, главное, удерживать их в наших научно-исследовательских лабораториях, университетах и крупных центрах, а также привлекать таланты со стороны. В этом отношении следует осознавать существующий риск и конкуренцию со стороны США и азиатских стран.

Вот почему нужно следовать поставленной цели и отводить на научные исследования отводить 3% европейского ВВП. Это приоритет. Мы, французы, осуществили реинвестиции, но необходимо продолжать усилия в плане государственного, а главное – частного финансирования, создавать дополнительные партнерства. Следует закрепить достигнутое по всей Европе и показать, что это ключевой элемент пакта благосостояния. Хорошо известная нашим ученым программа «Горизонт Европа» должна быть выведена на новый уровень за счет уделения приоритетного внимания наиболее эффективным инициативам, в частности работе Европейского совета по научным исследованиям.

Изменить парадигму в этой области – значит не побояться снова пойти на риск. Европейский совет по инновациям позволил достичь в последние годы новых высот, но в области прорывных инноваций следует сделать гораздо больше. И следует продолжить работу по созданию европейского Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, которого у нас до сих пор нет. Обеспечив его лучшими научными группами в каждой дисциплине и не страшась идти на риск и терять капиталы в случаях, когда проекты оказываются неудачными, – без чего не бывает передовых научных исследований, – мы станем континентом, финансирующим прорывные инновации и самые передовые фундаментальные исследования. Ведь именно благодаря научным открытиям квантовые компьютеры, материалы будущего, микрочипы и аккумуляторы с низким потреблением энергии смогут изменить позиции Европы на геополитической карте экономического роста. Будь то отказ от фитосанитарных средств, то есть достижение цели в области охраны здоровья, а значит, установление связи между окружающей средой и здоровьем человека, будь то полноценное решение проблемы рака, болезни Альцгеймера, нейродегенеративных, редких или орфанных заболеваний благодаря европейскому плану в области научных исследований и инвестиций – все важные исследования, реинвестиции и общие программы должны осуществляться в масштабах Европы.

Итак, нам нужны четкие и смелые цели, и ключом в этом является способность готовить, удерживать и привлекать талантливых специалистов. Я много говорил о редких ресурсах и критически важных материалах, но, несомненно, завтра – еще больше, чем сегодня – самым редким ресурсом будет человеческий капитал, талант. Вот почему политика

в области подготовки кадров, научных исследований и высшего образования является для Европы решающей.

Разумеется, она должна сопровождаться политикой в области продвижения и развития наших стартапов – с учетом всего, что мы уже начали предлагать, с учетом инициативы Scale-up Europe, а также талантливых специалистов и капитала, чтобы стать континентом инноваций.

Последняя составляющая пакта благосостояния – это наша способность вкладывать средства, простите, что говорю так прямолинейно. Давайте признаем, что сегодня в Европе правила игры перестали соответствовать положению дел: в таких областях, как оборона, безопасность, искусственный интеллект, декарбонизация экономики и экологически чистые технологии требуются колоссальные капиталовложения.

В докладах приводятся примерно одни и те же оценки. Я читаю все доклады, смотрю, что пишут господин Летта и господин Драги, что написала комиссия, – и вижу, что вырисовывается консенсус. Все говорят, что нужны дополнительные 650 - 1000 миллиардов в год. Сумма большая, но мы не можем откладывать инвестиции. Ведь безопасность нельзя отложить на завтра. Снявши голову, по волосам не плачут. Мы не можем отложить инвестиции на завтра потому, что они делаются сейчас, решения принимаются сейчас или никогда. Поэтому именно сейчас, в ближайшие десять лет, мы должны инвестировать крупные суммы, поскольку по этому показателю мы отстаем от США и Китая.

Но для крупных инвестиций тоже требуется изменение парадигмы наших коллективных правил.

Первое, что мне кажется устаревшим: наша денежно-кредитная политика не может быть направлена исключительно на борьбу с инфляцией, тем более в экономической среде, где декарбонизация является фактором роста структурных цен. Требуется теоретическое и политическое обсуждение того, как включить в цели Европейского центрального банка хотя бы одну цель по достижению нашими экономиками роста или декарбонизации, то есть в любом случае цель в области борьбы с изменением климата. Это абсолютная необходимость.

Во-вторых, разумеется, следует нарастить наш общий инвестиционный потенциал. Как я сказал, нужно дополнительно вкладывать каждый год несколько сотен миллиардов евро. В последние годы этот вопрос решался на европейском уровне за счет обеспечения национальной гибкости, то есть за счет государственной помощи. Однако такое решение не может быть долговечным, поскольку оно дробит единый рынок и противоречит всему, о чем я говорил. Нам нужен коллективный потенциал, а значит, нужен новый прорыв в области коллективных инвестиций, масштабный план коллективных бюджетных инвестиций. Нам нужны дотации.

Но не буду решать за всех; мне хотелось бы, чтобы эти вопросы были согласованы со всеми нашими партнерами. Будет ли это объединение возможностей заимствования?

Использование уже существующих инструментов, европейских стабилизационных механизмов или чего-то еще? По сути, нужно добиться удвоения финансового потенциала Европы или хотя бы ее бюджетного потенциала. Нужен прорыв в области государственных инвестиций, чтобы направить государственное финансирование в определенные секторы, для чего потребуются вернуться к непростому вопросу собственных ресурсов Евросоюза. Я поддерживаю этот вариант. Думаю, у нас должны быть источники дополнительных собственных ресурсов, чтобы не перекладывать бремя на европейских граждан. К ним относятся углеродный налог на границе, доходы от европейской системы торговли квотами на выбросы, налог на финансовые операции, подобный тому, что существует во Франции, налог на прибыль транснациональных корпораций – там, где она фактически получается, использование доходов от системы ETIAS, т.е. сбора, взимаемого с граждан неевропейских стран при въезде на территорию Евросоюза. Существует множество источников собственных ресурсов, которые мы можем использовать для этих целей без ущерба для европейских граждан.

И потом, помимо денежно-кредитной политики, помимо общей бюджетной политики, которая должна стать намного более смелой и твердой благодаря дополнительному вложению 1000 миллиардов евро, необходимо активнее задействовать частные инвестиции и возможности частного финансирования. Наша с вами Европа из года в год грешит двумя, а то и даже тремя основными недостатками.

Первый недостаток – это большой объем сбережений. Мы накапливаем сбережения. У нас очень богатый континент с очень конкурентоспособными участниками рынка. Но, поскольку наши рынки капитала не интегрированы, сбережения не поступают в нужные секторы и нужные сферы. Это первое.

Второй недостаток в том, что наш подход недостаточно риск-ориентированный. В нашей экономике большую роль играют посредники, через банки и страховые компании проходит 75% капиталов, а мы установили правила, не позволяющие им работать с собственным и венчурным капиталом.

Третий недостаток в том, что наши сбережения, т.е. порядка 300 миллиардов евро в год, идут ежегодно на финансирование американцев. По крайней мере, неевропейцев и в первую очередь американцев – будь то государственные ценные бумаги или венчурный капитал. Это абсурд. Мы должны устранить эти три недостатка, создав полноценный рынок сбережений и капиталовложений, то есть сформировав элементы солидарности, благодаря которым система будет работать, а наши инвестиционные фонды и все участники рынков капиталов будут обеспечивать обращение сбережений, чтобы те попадали именно в нашу экономику.

Конечно, мы стараемся идти в этом направлении. И уже начали действовать. Думаю, на это нужно выделить год, не больше, ведь мы уже столько лет даем обещания. За этот год мы либо построим систему с единым надзором, едиными правилами в отношении банкротств и элементами конвергенции в сфере налогообложения, то есть создадим систему, подобную той, что мы создали в области банковского надзора. Либо, как предлагают некоторые, возможно, следует создать систему – как было сделано в области конкуренции – позволяющую иметь более гибкие принципы аннулирования, но при этом

обеспечивать единство и в любом случае – обращение. Я не буду заранее предлагать какие-либо технические решения, но мы должны добиться единства, необходимого для обращения капиталов.

Во-вторых, следует пересмотреть существующее применение стандартов Базель и Солвенси. Мы не можем быть единственным в мире экономическим пространством, где они соблюдаются. Американцы, с которых начался финансовый кризис 2008-2011 гг., приняли решение не применять их к своим участникам рынка. Я не призываю полностью отменить эти стандарты и возродить культуру финансовой безответственности. Я лишь говорю, что мы должны вернуть в управление сбережениями культуру риска. Без нее не может быть инвестиций в научные исследования, инновации, стартапы и предприятия. Я выступаю за то, чтобы и в этой сфере внедрить европейские инструменты и решения, благодаря которым сбережения будут идти на финансирование нашей экономики. Итак, подлинный единый рынок, союз сбережений и инвестиций, ослабление правил, ограничивающих риски, и европейские инструменты, позволяющие предотвратить отток сбережений.

Как вы поняли, я обрисовываю сейчас новую модель обеспечения роста и благосостояния, основанную на упрощении: политика масштабной промышленной декарбонизации, коренное изменение политики в области промышленности, конкуренции и, главное, торговли, подлинная и еще более смелая политика в области новаторского поиска и пересмотр нашей парадигмы в денежно-кредитной, бюджетной и финансовой сферах.

В заключение спрошу: для чего нам все это? Как я сказал в начале выступления, наша Европа может погибнуть. Она может погибнуть, если не будет защищать свои границы – а она не умеет реагировать на внешние риски в области безопасности. Она может погибнуть, если станет зависеть от других – а она не способна обеспечивать производство для создания экономических благ и перераспределения. К тому же сейчас Европа находится в ситуации, когда она может погибнуть из-за самой себя. Ибо мы вернулись к тому, что Европа уже проходила. Петер Слотердаик прекрасно объясняет это в лекциях, которые он читает сейчас в Коллеж де Франс, говоря с присущим ему несколько ироничным пессимизмом, что сейчас снова наступили времена, когда Европа размышляет о своем упадке и сомневается в себе.

Европа снова разлюбила себя. Это кажется странным, когда видишь, чего она достигла и чем мы ей обязаны, но это так. Объяснения того, что на самом деле Европа всегда структурно несет в себе сомнения, займут слишком много времени. Мы – континент, цивилизация, которая, бесспорно, является изобретателем сомнений, самоанализа и культуры признания вины, и, думаю, Слотердаик вернется к этому в своих лекциях. Мы терзаемся еще и потому, что, как я сказал ранее, правила нашей демократии ставятся под сомнение, а убыль населения вызывает крайне глубокое беспокойство. Для Европы риск состоит в том, что она может привыкнуть к обесцениванию своей значимости.

*
* *

Вот почему сегодня я хотел бы предложить вам или даже призвать вас к обещанию, что мы будем стремиться сохранить связывающий нас европейский гуманизм. Ведь мы хотим защищать свои границы, хотим оставаться сильным континентом со своим производством и творческим потенциалом как раз потому, что мы не такие, как все. Об этом нельзя забывать. Мы не такие, как все. В «Письмах к немецкому другу» Камю есть прекрасная фраза: «Наша Европа – это общее дело, которое мы продолжим вопреки вам в духе разума». Это и есть Европа. Это дело, которое мы продолжаем вопреки всем сомневающимся, в духе разума. Что это значит? Это значит, что быть европейцем – это не просто жить на земле, простирающейся от Балтики до Средиземного моря и от Атлантики до Черного моря. Быть европейцем – это отстаивать определенное видение человека, в котором свобода, разум и просвещенность ставятся превыше всего. Это значит говорить себе, что от Парижа до Варшавы и от Лиссабона до Одессы всех нас отличает общее восприятие свободы и справедливости. Для нас человек всегда был превыше всего. С эпохи Возрождения до Просвещения и конца тоталитарных режимов это то, что определяло Европу.

Этот выбор мы повторяем вновь и вновь, наше отличие именно в нем. Это не наивное решение верить нашей жизни промышленным гигантам на том основании, что они сильные. Европейский выбор и европейский гуманизм в другом. Это выбор, при котором мы отказываемся доверять своей жизни силам, находящимся под контролем государства и не соблюдающим свободу здравомыслящего человека. Это вера в свободного и разумного человека. Вера в знания, свободу, культуру. Вечное противоборство между традициями и постоянством с одной стороны и прогрессом с другой. Быть европейцем значит искать баланс, и именно это нужно отстаивать. Этот гуманизм хрупок, но именно он отличает нас от всех остальных. И я хочу донести до вас, что сейчас он стоит на кону. Нам надлежит защищать его, ибо, как я сказал, либеральная демократия не данность. Я говорю это сегодня, в очень важный день, когда мои мысли обращены к нашим португальским друзьям, поскольку ровно пятьдесят лет назад свершилась «революция гвоздик».

Свобода завоевывается. Вплоть до начала этого столетия на всем нашем континенте к ней приходили через борьбу. Не будем никогда забывать о том, что свобода не данность и мы не можем сидеть сложа руки. Вот почему необходимо и дальше отстаивать то, на чем зиждется верховенство права: разделение властей, права оппозиции и меньшинств, независимость правосудия, свобода печати, автономия университетов и академические свободы. В слишком большом числе европейских стран свободу попирают. Именно поэтому я выступаю за то, чтобы выплаты из бюджета Евросоюза были обусловлены соблюдением верховенства права. Мы должны еще больше

укреплять свободу при помощи механизмов констатации и санкций в случае серьезных нарушений. Европа не магазин, где принципы можно выбирать.

И именно поэтому мы должны укреплять свою способность бороться с вмешательством и пропагандой, особенно сейчас, в предвыборный период. Наши чешские уже друзья столкнулись с этими явлениями, наши бельгийские друзья уже обличили их. Сегодня через телевидение, через социальные сети, через использование определенной наивности наших правил, которые составлялись для тех, кто соблюдает демократическую корректность, на нашу землю возвращаются пропаганда и ложная информация. Они теснят нашу либеральную демократию, проповедуя иную модель. Нам надлежит бороться с ними, требовать полной прозрачности и, главное, запрещать контент, если он дестабилизирует выборы. Однако у нас есть все основания для оптимизма. Достаточно взглянуть на Польшу, про которую еще несколько месяцев назад говорили, что все предрешено. В этой стране была отмечена самая высокая за ее историю явка на демократические выборы, и в результате на них вновь победила партия, отстаивающая патриотизм и одновременно либеральную демократию. Поэтому мы должны нести борьбу за либеральную демократию и политическую открытость по всей территории территории Европы, стараясь максимально «европеизировать» ее. Но не буду больше задерживаться на этом. При подведении итогов Конференции о будущем Европы я ратовал за гражданское участие, гражданские группы, европейские гражданские инициативы, европейские референдумы. Думаю, что мы, европейцы, должны сообща развивать эти инициативы, поскольку они имеют важнейшее значение для придания еще большей силы европейскому народу, демосу. Кроме того, мы должны разрешить транснациональные списки кандидатов, которые, по сути, обеспечивают перед выборами в Европарламент подлинное демократическое обсуждение на европейском уровне. Посмотрите на выборы, которые проходят сейчас: фактически это выборы на национальном уровне. Такова реальность. Все потому, что у нас нет общеевропейских списков кандидатов. Эта идея пока что, мягко говоря, не пользуется единодушной поддержкой у наших партнеров. Но самое главное в том, что мы не можем иметь континент, не можем иметь институции, на которые возложено все больше решений, при демократическом участии на уровне 1979 г. Иными словами, нам нужны смелость для укрепления европейской демократии и пересмотр правил. В этой области у нас уже есть очень эффективное соглашение между Францией и Германией по вопросу о принятии решений в области внешней и налоговой политики квалифицированным большинством. Это одна из необходимых реформ, даже если в этой сфере требуется гораздо больше. Но не буду обременять вас этим сегодня.

Как я сказал, защищать европейский гуманизм – значит помнить, что за нашими учреждениями стоит либеральная демократия, которой мы дорожим и которую мы должны отстаивать и укреплять. Посредством знаний, культуры и науки она формирует наших граждан. Вот что поставлено сейчас на кон в Европе. Быть европейцем – значит верить, что нет ничего важнее свободного человека, обладающего разумом и знаниями. Сегодня, когда вновь появляются скепсис, теории заговора и сомнения в науке и ее авторитете, на нас лежит общая ответственность по защите и популяризации такого

подхода, а также защите свободной и открытой науки и передаче знаний. Мы будем вести эту борьбу на международном уровне, но для начала следует укрепить ее инструменты. Семь лет назад я предложил создавать университетские альянсы, и уже более пятидесяти таких альянсов увидели свет стараниями руководителей университетов, студентов и преподавателей, которых я хотел бы поблагодарить. Альянсы позволяют структурировать обмен знаниями. Теперь нам пора переходить ко второму этапу: консолидировать финансирование, одновременно углубляя интеграцию, и вводить полноценные совместные европейские дипломы. Высокие европейские стандарты определяются также умениями и навыками. Именно поэтому необходимо расширять программу Erasmus для дуального и профессионально-технического обучения с тем, чтобы к 2030 г. академическая мобильность в области дуального обучения охватывала на европейском уровне не менее 15% студентов.

Кроме того, необходимо нести европейский дух, создавая альянсы на уровне европейских библиотек и музеев, чтобы содействовать установлению партнерских отношений, способствовать оцифровке и совершенствовать передвижения и одновременно доступ к экспонатам и изданиям. Нести европейский дух – это также транслировать то, что составляет наше коллективное сознание. В этой области мне хотелось бы, чтобы ведущая европейская аудиовизуальная платформа Arte стала платформой всех европейцев, предлагающей еще больше, чем сегодня качественного контента на всех европейских языках и по всей Европе. Благодаря этому, мы сможем повышать привлекательность европейского культурного наследия и изучения языков европейских стран, а также отстаивать нашу модель защиты авторских прав и финансирования художественного творчества, которую мы укрепляли в последние годы. Кроме того, нести европейский дух молодым поколениям – значит давать им возможность познавать европейский континент на собственном опыте, то есть путешествовать и участвовать в обменах. Поэтому, помимо программ Erasmus и Erasmus для дуального обучения, речь идет о вполне конкретной возможности передвигаться на поезде по всей Европе, как прекрасно подчеркнул в своем докладе Энрико Летта. Столицы наших государств еще недостаточно связаны. Проездной билет Pass Interrail пользуется большим успехом, и теперь необходимо подкрепить его созданием Европы железных дорог. Это будет проект в области не только средств сообщения, но и культуры, то есть проект в целях содействия передвижению студентов и молодежи, обращения знаний между столицами. Мне хотелось бы, чтобы он опирался на распространение на всю Европу карты Pass culture, которую, кстати, придумали не во Франции. Вы знаете, как французы гордятся своей страной, но эта карта была придумана в Италии Маттео Рензи, а мы ее скопировали и постарались усовершенствовать. Затем нашему примеру последовали другие, ведь Европа – это возможность вдохновляться удачными примерами. Теперь же следует распространить эту карту повсеместно, поскольку она обеспечивает молодежи и многим семьям доступ к культуре.

Как вы видите, мы много сделали для достижения нашей общей цели по строительству Европы знаний, культуры и интеллектуального развития. Но в этот особый период ее нужно и защитить. Мы с вами находимся в университете – месте, где мы можем вести

обсуждения под началом великих умов, в привычных для нас ритме и манере. Но всем прекрасно известно, что наша жизнь, а еще больше жизнь наших детей, наших подростков проходит теперь в другом пространстве – пространстве цифровом.

И это пространство мы, европейцы, не контролируем. Мы не только не создаем в нем достаточно контента, – а это одна из задач, которые я сегодня излагаю и отстаиваю, – но и не определяем его правила, хотя речь идет о глубоком антропологическом, цивилизационном изменении. Когда сегодня дети часами сидят перед экранами, когда подростки познают культуру, интимную жизнь и отношения через экраны и контент, воздействию которого они могут подвергаться, когда демократическая дискуссия концентрируется в этом цифровом пространстве, где протекает наша жизнь и где, по сути, мы проводим сегодня самую большую часть времени, неужели мы, европейцы, можем спокойно препоручать его другим? Нет.

Я неспроста говорю, что речь идет о борьбе культур и цивилизаций, поскольку именно в этом пространстве определяется судьба нашей демократии и формируется наше общественное мнение. Демократия со свободным голосованием – это прекрасно. Но если на избирателей оказывают воздействие, если их убеждения искажают, а их выбор подвергается влиянию позиций того или иного лагеря, то какая это демократия? Вот почему я настаиваю на том, что это не технический вопрос и не проблема государственной политики. Наша способность создать общественный демократический и цифровой порядок – это вопрос выживания.

Выживания для того, чтобы защищать наш гуманизм. Ибо сегодня, как вам известно, главенствуют две модели. Есть англо-саксонская модель, в которой управление этим жизненным пространством передано частному сектору. Мол, изменения будут, но мы им доверяем. Социальные сети и интернет-платформы принадлежат крупным компаниям, у них есть алгоритмы, которые выглядят очень сложными, но потребителям они нравятся, поскольку кажутся эффективными. В этой модели гражданина принижают по сравнению с потребителем. И есть вторая модель, основанная на контроле, который противопоставляется хаосу и аномии. В ней государство берет все в свои руки, как это происходит в Китае; в этом направлении движется и ряд стран с авторитарным режимом.

Гуманистическая модель, которую Европа должна развивать и которая возможна только на европейском уровне, – это модель, создающая демократический порядок, прозрачный и справедливый, в котором есть место для обсуждения правил и выбора. Вот почему я ратую за Европу, в которой «цифровое совершеннолетие» наступало бы в пятнадцать лет. До этого возраста необходим родительский контроль за доступом в цифровое пространство, поскольку доступ без контроля контента влечет за собой многочисленные риски, приводит к деформации разума и оправданию ненависти. Его следует ввести ради наших детей, это вопрос здравого смысла. Разве кто-нибудь посылает своего пяти-, десяти- или двенадцатилетнего ребенка в джунгли? Думаю, ни один здравомыслящий человек. Мы защищаем своего ребенка в семейном кругу, доводим его до дверей школы, где передаем людям, которым мы доверяем и которые будут заниматься его развитием. Когда у нас есть возможность, мы организуем ребенку внеурочную деятельность, чтобы он мог расширять кругозор и учиться самостоятельности. А сегодня по несколько часов

в день мы открываем ему ворота в джунгли. Там ребенок может сталкиваться с кибербуллингом, порнографическим контентом и педофилией. Вот каково это пространство из-за того, что оно не регулируется и не модерируется. Сказать вам, сколько франкоязычных модераторов есть у таких интернет-платформ и сетей? У некоторых – меньше десяти. Вот почему мы должны на европейском уровне вернуть себе контроль за жизнью наших детей и подростков и постановить, что «цифровое совершеннолетие» наступает не раньше пятнадцати лет; кроме того, мы должны обязать интернет-платформы модерировать или закрывать определенные сайты.

Помимо этого, нам надлежит более активно предпринимать усилия для того, чтобы сделать цифровое пространство цивилизованным. Запрещая расистские, антисемитские и ненавистнические высказывания, мы должны с такой же решимостью запрещать их и в цифровом пространстве, где презумпция анонимности приводит к эффекту растормаживания ненависти. Эту борьбу за цивилизованность и демократию следует вести на уровне Европы. Она важнейшая составляющая поединка, который нам предстоит.

Разумеется, европейский гуманизм подразумевает также достоинство и справедливость. Мы не только дорожим свободой и знанием, нас характеризует и уникальная приверженность справедливости и равенству. Это то, что отличает нас от других континентов.

В центре нашего проекта находится гендерное равенство. Франция и Европа многого добились в области баланса между работой и личной жизнью, помощи семьям и лицам, осуществляющим уход за больными, инвалидами или пожилыми людьми, а также в области прозрачности оплаты труда, равенства и т.п. Теперь мне хотелось бы, чтобы мы пошли еще дальше, внося право на аборт в Хартию основных прав Европейского союза, как мы внесли его в Конституцию Франции. Ведь гендерное равенство находится в центре нашего гуманистического проекта, в центре того, что составляет Европу.

Но Европа жидетса и на социальной сплоченности, то есть на стремлении построить сплоченное общество. В духе наследия Жака Делора и его европейской программы помощи особо нуждающимся предлагаю создать европейскую программу солидарности, в рамках которой с опорой на Европейский социальный фонд будут поддерживаться инициативы государств-членов, направленные на борьбу со всеми видами социальной незащищенности, и которая позволит оказывать социальную помощь в ходе проводимых преобразований.

Европа должна наделить себя новыми инструментами для сопровождения лиц и территорий в процессе социальных преобразований. Это необходимо. Нужно защищать и поддерживать наших граждан посредством политики, направленной на достижение справедливости, чтобы создать Европу свободного осуществления всех прав – свободы передвижений, доступности, борьбы с дискриминацией – и добиться дальнейшего прогресса.

Говоря о справедливости, я не затрагиваю острый вопрос налогообложения доходов. Этот вопрос должен быть поднят, учитывая накопление материальных благ в нашу эру

глобализации. Но я убежден, что обсуждать его следует не на европейском, а на международном уровне, как было сделано применительно к вопросу введения минимального налога, который Франция вынесла на рассмотрение. Вот почему мы с президентом Лулой заключили на совещаниях «Большой двадцатки» союз в поддержку обложения налогом самых высоких доходов, и вот почему эту экзистенциальную борьбу мы ведем в рамках «Большой двадцатки», то есть в масштабе расширенной ОЭСР.

По сути, европейский гуманизм и определенное видение Европы, о котором говорил Джордж Стайнер, слагаются из множества очень важных элементов: идеи свободы верховенства права, стремления сохранить знания и культуру, представления о равенстве, которое я упоминал. Это Европа кафе, Европа столиц, которые можно назвать палимпсестами, Европа постоянного конфликта между наследием, которое мы должны передать дальше, и новыми веяниями. Наша с вами Европа все время разрывается между ними, но у нее есть пространство для действий.

Она может обозначить свою позицию, продолжая защищать свою уникальную культуру и ее передачу, как я уже подчеркивал, поддерживая диалог между университетами, сохраняя кафе и места для дружеских встреч, но оставаясь при этом территориями, где берегут красоту пейзажей. Думаю, что задачи, которые мы должны ставить перед собой и которые мы уже начали ставить, в отношении наших лесов, морей и океанов начинаются с такого видения. Это не какая-то модернистская бесплотная причуда, сводящая все к экологии и доходящая до карикатурности. Нет. Защита наших лесов, биоразнообразия, морей и океанов – это осознание того, что мы, европейские гуманисты, заботимся сразу о трех поколениях: настоящем, прошлом и будущем. А также того, что Европа – это сокровище, которое мы получаем и передаем по наследству. Всего, о чем я говорил, невозможно достичь, уничтожая наши невозобновляемые природные ресурсы, и поэтому защита биоразнообразия, лесов и океанов, а также все, что необходимо развивать за счет политики в интересах Европы, – это прежде всего гуманистическая задача.

Я говорю так еще и потому, что не вхожу в число тех, кто думает, будто права природы стоят превыше прав человека. В моем понимании это вопрос европейского гуманизма, когда природу защищают потому, что она участвует в обеспечении нашего баланса, что она часть нашего наследия, но делают это с позиций гуманистического подхода в интересах нас и наших детей.

*

* *

Дамы и господа! Я понимаю, что говорю слишком долго, но мне еще столько хочется сказать! После этого выступления меня наверняка упрекнут в том, что я не уделил должного внимания африканскому континенту, нашим соседям, реформе и модернизации договоров и всему, о чем я не упомянул.

О Европе можно говорить бесконечно, ведь у этого проекта нет пределов. С философской и цивилизационной точек зрения это так. Не будем забывать, что

древнегреческий бог похитил Европу на землях, считающихся азиатскими. В этом есть определенная неоднозначность, в силу которой у этой истории нет конца. Здесь, в Сорбонне, Эрнест Ренан задавался вопросом о том, что такое нация. А Европа должна сегодня задаться вопросом о том, какое ее ждет будущее.

На мой взгляд, говоря о Европе, мы неизбежно говорим о Франции. Но, как вы поняли, наступил переломный момент. Как я сказал, наша Европа может погибнуть – из-за своего рода лукавства истории. Причина в том, что в последние годы Европа добилась очень многого; европейские идеи победили в борьбе, начатой еще Грамши, а националисты по всей Европе больше не осмеливаются говорить, что хотят выйти из еврозоны и из Европы. Но они приучили всех нас к заявлениям по принципу «да, но...»: «Я воспользуюсь достижениями Европы, но буду действовать проще, не соблюдая правила, попирая ее основы». По сути, они больше не предлагают выйти из здания или снести его, они хотят лишь отменить правила совместного проживания, не вкладывать в здание деньги, не платить арендную плату. И при этом утверждают, что все сработает.

Опасность в том, что всех остальных охватывает нерешительность, им кажется, что националисты и противники Европы занимают в наших странах сильные позиции. Страх и гнев – это нечто нормальное во времена потрясений, которые мы переживаем, ведь наши сограждане по всей Европе чувствуют, что она может погибнуть или исчезнуть.

Но выход не в нерешительности, а в отваге. Выход в том, чтобы вместо «они набирают повсюду популярность» говорить «у нас есть выбор». В этом году свое будущее выбирают британцы и американцы, а 9 июня – и европейцы.

Но выбор не в том, чтобы поступить, как мы всегда поступали, и прибегнуть к небольшой регулировке. Выбор в том, чтобы не бояться новых парадигм. Конечно, я знаю, что после Вольтера трудно быть оптимистом. Возможно, для некоторых это даже вопрос убедительности, я понимаю. Но все же речь идет о некой форме оптимизма и воли.

Да, я верю в то, что мы можем вернуть себе контроль за нашей жизнью и судьбой благодаря державности, благосостоянию и гуманизму нашей с вами Европы. По сути, в это смутное время, перефразируя слова Ханны Арендт из ее книги «Vita activa, или О деятельной жизни», когда события повторяются, а непредвиденное случается, лучший способ познать свое будущее – это давать и сдерживать обещания.

Это именно то, что я предлагаю: давайте, руководствуясь здравым смыслом, дадим в отношении Европы несколько важных обещаний на ближайшие десятилетия и давайте упорно бороться за то, чтобы сдержать их. И тогда, возможно, у нас появится шанс познать свое будущее. И мы сможем сказать, что боролись за то, чтобы выбирать свою судьбу.

Да здравствует Европа! Да здравствует Республика, и да здравствует Франция!